

Социокультурный компонент является средством повышения мотивации в изучении иностранного языка в общеобразовательной школе. Знания о культуре и реалиях англоязычных стран, представление о социокультурном портрете (территория, население, географические и природные условия) дают возможность лучше овладеть иностранным языком, осознать его роль как средства межкультурного общения и побуждают пользоваться им на доступном уровне. Реализация социокультурного компонента обеспечивает культуроведческую направленность обучения, приобщение обучающихся к культуре, традициям, помогает лучшему осознанию культуры своей страны, умению представить ее средствами иностранного языка, включению в диалог культур.

Литература

1. Сололова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс : пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е.Н. Сололова. – М. : АСТ: Астрель, 2009. – 192 с.

2. Сафонова, В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности 13.00.02 : автореф. дис. ... док. пед. наук. / В.В. Сафонова; Моск. гос. универ. им М. В. Ломоносова – М., 1993. – 47 с.

3. Социокультурная компетенция: понятие и сущность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studwood.ru/985969/literatura/sotsiokulturnaya_kompetentsiya_ponyatie_suschnost. – Дата доступа: 30.11.2018.

Р.Е. Гончаров
УО БГЭУ (г. Минск)

МОТИВ ГЕРОНТОЦИДА В ПОВЕСТИ ЛЮ ЦЫСИНЯ «ЗАБОТА О БОГЕ»

Лю Цысинь (род. 1963 г.) – один из наиболее заметных представителей современной китайской литературы. Он стал первым из писателей КНР, кому удалось совершить прорыв к мировым вершинам в литературной области, традиционно, со времен Жюль Верна и Герберта Уэллса, считающейся вотчиной западных авторов – в научной фантастике. Инженер-энергетик по основной сфере

профессиональной деятельности, как писатель он дебютировал в конце 1990-х романом «Эпоха сверхновой». Наивысшего на сегодня успеха Лю Цысинь достиг в 2015 году, когда его вышедший годом ранее в переводе на английский язык роман «Задача трех тел» был удостоен премии «Хьюго» – одной из самых престижных в области научной фантастики в мире. К известным его произведениям также относятся романы «Темный лес» и «Вечная жизнь Смерти», которые вместе с «Задачей трех тел» составили трилогию «Память о прошлом Земли».

Однако объектом данного исследования является менее заметное произведение Лю Цысиня – небольшая повесть «Забота о Боге» («Taking Care of God»), опубликованная в 2012 году в журнале «Пафлайт» («Pathlight») – англоязычной версии основанного в 1949 году литературного журнала «Народная литература», первого в коммунистическом Китае.

В контексте сопоставительного изучения культур эта повесть представляет интерес, поскольку в основе её сюжета лежит одна из культурных универсалий – общечеловеческих констант культурного сознания либо, иными словами, типовых аспектов жизни, которые проявляются во всех известных обществах, нередко, впрочем, отличаясь в разных культурах конкретным содержанием. В данном случае речь идет о семейных отношениях по линии предки – потомки, а если еще точнее – об отношении детей к родителям преклонного возраста.

В большинстве религиозно-философских учений осевого времени, лежащих в основе ключевых социокультурных моделей, формирующих современную земную цивилизацию, в той или иной форме заложена норма почитания родителей – от Пятой заповеди библейского Декалога до конфуцианского принципа сяо (сыновней почтительности). В языческих религиозных системах культ предков также является одним из важнейших (и наиболее ранних) компонентов, как на Западе, так и на Востоке. У почитания родителей как культурной нормы есть и своя оппозиция – геронтоцид, т. е. обычай убийства либо оставления на произвол судьбы людей преклонного возраста, свойственный, в соответствии с наблюдениями этнографов, человечеству на ранних этапах первобытного социума: «Старый, дряхлый человек, которому трудно передвигаться вместе со своими сородичами <...> является тяжелым бременем для

людей, вся жизнь которых зависит от случайной добычи, от быстрых переходов и перекочевок со стадом <...> чтобы избавить себя от тяжелой обузы и самих стариков от излишних и долгих страданий, их убивают или выводят в уединенное место и оставляют на произвол судьбы», – пишет Л.Я. Штернберг [5, с. 403]. Тема геронтоцида как культурной нормы является весьма обширной и требует более глубокого рассмотрения. Однако даже приведенного выше высказывания достаточно, чтобы заметить её неоднозначность по отношению к норме почитания родителей: данный обычай обусловлен не жестокостью наших далеких предков, а необходимостью выживания всего племени в сложнейших природных условиях, а также анимистическими религиозными воззрениями, свойственными людям на данном этапе культурного развития. Он, по сути, является «обратной стороной» культа предков. Е. Костюхин отмечает, что «в эпоху патриархата этот обычай получает идеологическое обоснование <...> большинство этнографических данных говорит об убийстве стариков, а не старух. Это должно свидетельствовать о связи обычая убиения престарелых с культом «отцов». Естественная смерть патриархов не допускалась, поскольку это могло отразиться на животворных силах природы, и стариков по-едали (или их отдавали на съедение животным, в чем можно заметить связь с тотемическими представлениями)» [1, с. 145]. Культурная память многих современных цивилизованных народов содержит знание об этом обычае, закодированное в сюжетах сказок, легенд, преданий. Так, Е. Костюхин указывает на то, что в сказках народов Кавказа и Средней Азии отмена этого древнего обычая связана с именем Александра Македонского [см.: 1, с. 145]. Сохранилась эта память и в бытовых сказках балтийских и славянских народов. М. Андреев приводит следующий сюжет: «Вопреки приказанию убивать стариков один сын прячет старика отца в погреб; во время голода старик выручает сына советом; с тех пор стариков не убивают» [цит. по: 1, с. 146]. Белорусская сказка «Немощный отец» – литературная обработка подобного сюжета В. Короткевичем. Можем сделать предварительный вывод: в основе сюжетов фольклорных произведений разных народов лежит событие нарушения культурной нормы геронтоцида и, как следствие, отмена этой нормы. Таким образом в художественном сознании фиксируется шаг от мифологического мировоззрения к более высокому

уровню философско-религиозного мышления, свойственному культурам осевого времени (переход к норме сыновней почтительности в её конфуцианском либо библейском варианте).

В основе сюжетов художественных произведений часто лежит иной аспект культурной нормы – возможность её нарушения, при котором само нарушение не направлено на замену несовершенной нормы нормой высшего порядка, а осознается как аномалия, преступление, грех, культурная деградация. Интерес представляет также проблема сосуществования реальной бытовой практики, осознаваемой как ненормативная, с установленной культурной нормой. Так, в связи с геронтоцидом можно привести следующий факт из украинского народного быта XIX (!) ст.: «Людей старых <...> вывозили в зимнюю пору в глухое место и опускали в глубокий овраг, а чтобы они при опускании не разбились или не задержались на скате, их сажали на луб (подкорье, исподняя кора дерева. – *Р. Г.*), на котором они, как на санях, доходили до дна оврага. Отсюда выражения: «сажать на лубок», «пора на лубок». Когда этот обычай был запрещен, то стали прибегать к изолированию стариков в пустой хате, где они с голоду и холоду умирали» [5, с. 404]. Убийство в таких случаях в простонародном представлении собственно убийством (грехом) и не считалось, а рассматривалось как помощь «забытым Богом» старикам. Подобные амбивалентные явления вполне сопоставимы с более широким феноменом «двоеверия», когда в народной культуре языческие пережитки вполне мирно сосуществуют с христианскими догматами. Подобный мотив в экзистенциальном преломлении отражен в рассказе М. Коцюбинского «Что записано в книгу жизни» (1910), где центральным персонажем оказывается бедный крестьянин, сознание которого расщеплено противоречивыми чувствами по поводу просьбы одряхлевшей матери отвезти её зимой в лес умирать.

Через столетие после М. Коцюбинского уже в жанре научной фантастики к теме геронтоцида обращается Лю Цысинь. В повести «Забота о Боге», как и в рассказе украинского писателя, изображена небогатая крестьянская семья, но уже, очевидно, рубежа XX–XXI ст. Однако через призму одной китайской семьи автор рассматривает все человечество, придавая, как это нередко бывает в научной фантастике, своей повести звучание философской притчи о моральном состоянии всех людей и путях развития всего мира.

Собственно, завязка сюжета базируется на глобальном событии – прибытии на Землю представителей внеземной цивилизации. Однажды Землю окружают тысячи гигантских космических кораблей, а через некоторое время на улицах городов по всей планете появляются миллионы людей одинаковой внешности: «очень старые, с длинными седыми волосами и бородами, в длинных белых одеяниях (здесь и далее текст повести цитируется в переводе Ильи Суханова – *Р. Г.*)» [3]. Загадочные старики говорят на всех языках одно и то же: «Мы – Бог. Учítывая, что мы создали этот мир, не могли бы вы дать нам немного еды?» [3]. Выясняется, что старики – это представители угасающей древней космической цивилизации, которая провела миллиарды лет (по земным меркам), покинув собственную планету и путешествуя на звездолетах по Вселенной. Предвидя угасание собственной цивилизации, они посеяли на ряде планет, в том числе и на новообразованной Земле, «семена жизни», а затем с помощью интеллектуальных машин поддерживали там эволюцию, в том числе и развитие человека, созданного на основе их собственных генов (по образу и подобию). Лишь попутно заметим, что Лю Цысинь в данном случае следует за давно сложившейся в западной научной фантастике традицией, преподнося читателю собственную «хай-тек-версию» библейской концепции креационизма. Даже внешний вид богов в повести в несколько пародийной форме соотносится с христианской иконографией.

Интеллектуально деградировавшие за миллионы лет жизни под опекой разумных машин боги пришли на Землю, чтобы провести здесь остаток своей жизни в окружении собственных «детей». Подчеркнем: приход на Землю старики объясняют не стремлением продлить свое и без того долгое существование, а желанием почувствовать человеческую любовь и заботу: «Мы хотели бы раствориться в вашем социуме, в ваших семьях <...> Знаете, детство – самое замечательное время. Ваша цивилизация сейчас переживает эту эпоху, и для нас было бы настоящим счастьем вернуться в собственное детство и окунуться в тепло ваших семей» [3]. Взамен боги предлагают человечеству все свои научные знания, которые являются для них пассивным ресурсом. Предполагается, что данная информация способна обеспечить землянам скорый технологический прорыв и решение всех насущных проблем. Правительства всех стран приходят к соглашению, и на Земле наступает «Эпоха Заботы»: два миллиарда богов распределяются среди полутора миллиардов человеческих семей по всему миру.

Основное действие в повести развивается в деревне Сицэнь, где местные семьи приняли сто шесть богов. Собственный Бог достался и семье крестьянина Цюшэна (жена Юйлянь, малолетний сын Бинбин и никак не поименованный престарелый отец Цюшена). Около года Бог наслаждался беззаботной жизнью в крестьянской семье, однако вскоре гармония сменяется конфликтом. Собственно, развитие локального сюжета вновь определяется глобальной коллизией: наука цивилизации богов настолько опередила земную науку в своем развитии, что ученые не в состоянии в обозримом будущем не только использовать, но и понять полученные от пришельцев научные данные. Надежды Юйлянь на скорое экономическое процветание семьи рушатся, и Бог превращается в бесполезную обузу, объект для вымещения недовольства сварливой женщины. Подобная трактовка образа хозяйки – еще одна параллель с рассказом М. Коцюбинского. Свои поводы для недовольства Богом находятся и у Бинбина, и у престарелого отца Цюшена, и лишь сам Цюшен готов продолжать заботиться о старике. По воле Юйлянь и отца Цюшена Бог в семье сначала низводится до положения прислуги, а вскоре и вовсе изгоняется. Впрочем, подобная развязка оказывается далеко не единичной: к моменту ухода Бога из семьи Цюшена около трети деревенских богов уже покинули свои семьи по схожей причине и влачат жалкое существование в импровизированном лагере за пределами деревни, а города по всему миру вновь наводнили толпы длиннобородых бродяг, также ушедших либо изгнанных из своих семей. Изгнание Бога из семьи на произвол судьбы (а также, ранее, отказ оплачивать его лечение) может быть интерпретирован как форма геронтоцида. Важно также отметить, что если в рассказе М. Коцюбинского решение крестьянина отвезти старуху-мать в лес было обусловлено крайней, беспросветной бедностью, то в повести Лю Цысиня сообщается, что семьям по всему миру, принявшим к себе богов, правительствами выплачивалось специальное пособие. Китайский автор вводит в систему персонажей повести секретаря деревенской партиячейки, от которого мы узнаем факты, прямо наталкивающие на выводы этического характера: в связи с заботой о Боге семья Цюшена даже улучшила уровень своего благосостояния – они «купили молочную корову, перешли на сжиженный газ и приобрели новый цветной телевизор» [3].

Конечно, инопланетный Бог – не кровный предок, не отец и не мать. Но и здесь автор предлагает читателю четкую этическую оценку, в этот раз вкладывая её в уста Цюшена. Когда семья изгоняет Бога из дома, Цюшен решает последовать за ним, чтобы продолжать о нем заботиться. В ответ на упреки собственного отца, который апеллирует к священной для конфуцианства обязанности сына заботиться об отце (принцип сыновней почтительности), Цюшен говорит: «Если ты выкинул из дома того, кто создал прапра-прадеда нашего прапра-прадеда, тогда и я не обязан о тебе заботиться» [3]. И в этих словах прослеживается сходство с библейским пониманием связи Бога и родителей. Г. Синило объясняет эту связь так: «На Первой Скрижали, среди заповедей, описывающих обязанности человека по отношению к Богу, находится и Пятая заповедь, которая говорит о необходимости почитания родителей. Кажется, она касается уже второй части Декалога, определяющей обязанности человека по отношению к ближнему. Дело в том, что родители – не просто ближние <...>, а те люди, через которых человек теснейшим образом связан с Богом: именно благодаря им человек получает жизнь, но получает её также и от самого Бога <...> И поэтому тот, кто не почитает своих родителей, оскорбляет их, неутолимо оскорбляет и самого Бога» [4, с. 223].

В финале Лю Цысинь вновь возвращается к уже подмеченному нами лейтмотиву: приход стариков на Землю был мотивирован не стремлением продлить свое существование, а желанием познать давно уже утраченное ими человеческое тепло, семейную заботу детей о родителях. Повесть заканчивается тем, что боги уходят на свои звездолеты, чтобы встретить смерть в космических безднах. Расставаясь с пришедшей проводить его семьей Цюшена (не обошлось без извинений и слез), Бог говорит: «Когда за плечами две или три тысячи лет, смерть уже не так пугает. Нам просто хотелось побыть с вами <...> Мы глядели на вас и видели детство нашей цивилизации. Но мы не думали, что принесем вам столько трудностей <...> Вы согласились нас принять, и этого было достаточно...» [3]. И здесь вновь представляется уместным провести параллель с рассказом М. Коцюбинского. Всеми забытая немощная мать коротает свою старость, лежа на полу в углу хаты: печь занята больной внучкой, со стороны невестки только редкие язвительные насмешки и упреки, сын подавлен нуждой, необходимостью с утра до вечера обеспечивать выживание семьи. Мать

просится в лес, и сын с притворной неохотой удовлетворяет её просьбу. Невестка начинает «обряжать бабу на смерть». Приходит время её прощания с семьей. И старуха переживает эти моменты с наслаждением, а не со страхом приближающейся развязки. Если ранее на неё почти не обращали внимания, она была одинока в своей немощи, сведена до уровня никому не нужной вещи, то теперь она оказывается в центре внимания, окруженная семейным теплом и заботой. Она вновь чувствует себя человеком, стена отчуждения между ней и детьми исчезает. Её впервые за несколько лет помыли в теплой воде, одели в чистую сорочку. И вот она лежит на лавке со свечой в руках, члены семьи подходят к ней для поцелуя и благословения. «А баба тихонько кряхтела; ей было хорошо, потому что чувствовала на губах теплые уста (перевод наш – Р. Г.)» [2]. И этого ей было достаточно.

Таким образом, мы видим, что библейская и конфуцианская религиозно-философские традиции имеют сходства в аспектах, связанных с культурными универсалиями из семантического поля «семейные отношения», современная китайская литература активно и успешно осваивает традиционно западные жанры, при этом у неё открываются точки соприкосновения со славянскими литературами, как на уровне проблематики, так и на уровне морально-этических и психологических оценок и интерпретаций.

Литература

1. Костюхин, Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции [Текст]: монография / Е.А. Костюхин. – М. : Наука, 1972. – 190 с.

2. Коцюбинский, М.М. Что записано в книгу жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.marie-olshansky.ru/zni/mkocubin-1.shtml>. – Дата доступа: 23.10.2018.

3. Лю, Цысинь. Забота о Боге [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://royallib.com/read/lyu_tsisin/zabota_o_boge_povesti_rasskazi.html#0. – Дата доступа: 23.10.2018.

4. Синило, Г.В. Библия и мировая культура [Текст]: учеб. пособие / Г.В. Синило. – Минск : Выш. школа, 2015. – 685 с.

5. Штернберг, Л.Я. Убийство детей и стариков [Текст] / Л.Я. Штернберг // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1901. – Т. 34. – С. 402–404.